Плятт Р. Я. 10/VIII-86

ПРАВДА

10 АВГ 1986

Просто Плятт

МАСТЕРА КУЛЬТУРЫ

На встречу он прибыл минута в минуту. По лестнице, постукивая по ступенькам своей неизменной тростью, высоко вскинув голову, неторопливо шагал рослый, величественный человек. Поначалу его можно принять за главнокомандующего армией-победительницей, а, может быть, он так и не вышел из какой-нибудь своей роли, например, английского генерала, или Гай Юлия Цезаря, или католического прелата? Однако, приглядевшись, видишь: всему его монументальному облику вовсе не соответствуют близко поставленные над острым нордическим носом живые, яркие, готовые к неизменной улыбке глаза. Нет! Никого он не изображает. Перед нами просто Плятт! Таков, как есть. Подойдет к нему сейчас даже незнакомый и уже после первых слов почувствует, как естественен, прост, доступен этот человек. И расстанется с возвышающим чувством уверенности в том, что он, вроде бы обыкновенный, даже заурядный, оказывается, был интересен самому Плятту, народному артисту СССР, всесоюзной знаменитости, и надолго сохранит в сердце обаяние этой удивительной и редкостной личности.

Он рассказывал, что в раннем детстве над его младенческой кроватью сходились характеры двух чадолюбивых бабушек — одна полька, истая католичка, другая украинка, православная. У каждой была своя программа воспитания внука и свои ориентиры в определении пути в будущее.

— А я с детства был строптивцем,— с улыбкой рассказывал мне Ростислав Янович.— Я воспитывался сам. И сам выбрал себе то, что было по душе.

А по душе ему были окружающий мир и населяющие мир люди. Любил рассматривать в вагонах старых московских трамваев пассажиров и «додумывать» каждого, кого приметил глаз: кто таков? Чем занимается? Как живет? А потом облюбованный персонаж включать в действие тут же выдуманных приключений. Плятт мог бы стать писателем. Стал артистом.

С чего начинался Плятт как художник? Естественно, как любой талант,—с труда, многолетнего, нелегкого, порой изнурительного, поистине самоотверженного. Я бы хотел особо подчеркнуть это, к сожалению, обесцененное частым, неосторожным употреблением слово «самоотверженного», то есть такого труда, когда человек сам в себе отвергает все устремления и прихоти, которые могут помешать выявлению главного.

Выбор, определивший всю дальнейшую жизнь, произошел тогда, когда человеку только исполнилось пятнадцать лет, и он расхаживал в брючках, из которых, как и все его сверстники, вырастал уже через полгода. Долговязый, худой подросток из московской школы, носящей имя Томаса Эдисона, однажды пришел в созданный при школе драмкружок и робко заявил, что хотел бы «тоже попробовать». Кружком руководил режиссер Малого театра В. Ф. Лебедев. Он критически оглядел юношу, вздохнул: «Мне человек на генерала нужен. Сможешь?» — «Попробую...»

— Когда в гримерной я впервые взглянул на себя в зеркало, то несказанно поразился,— рассказывал мне Ростислав Янович об этом времени.— Кто это? Вроде бы я, Плятт. Но плюс еще кто-то. Значит, я могу, оставаясь собой, быть одновременно еще кем-то другим. Разве здесь не сокрыта великая тайна?

Плятта заметили и поддержали. С самого начала пути в самостоятельную жизнь. На его творческую судьбу оказали личное влияние многие, но были те, чье влияние оказалось решающим. Среди них Станиславский, Берсенев и, конечно, Завадский. Первая встреча с Юрием Александровичем Завадским произошла шестьдесят лет назад. Ободренный успехами в школьном драмкружке, юноша однажды перешагнул порог маленькой студии на Сретенке, в которой командовал Завадский. Последний был молод, но уже достаточно известен, особенно по нашумевшей в те годы постановке «Принцессы Турандот».

«Юра! — задорно крикнула в зал какая-то молодая женщина.— К тебе пожаловал гость, который длиннее даже тебя самого!» Навстречу новичку вышел долговязый кудрявый человек, в короткой толстовке и со значительным вопрошающим лицом. «Я хочу...» — пробормотал новичок. «Мало хотеть! Надо иметь право хотеть!» — строго ответствовал мэтр.

Вскоре стало ясно, что этот парень со странной ненашенской фамилией право на хотение имеет. Больше того, создавалось впечатление, что в нем, кроме незаурядных артистических способностей, есть и незаурядное упорство, которое наверняка поможет добиться своего. Они подружились на всю жизнь.

Обретая все большую уверенность и силу, с молодым азартом зашагал Плятт по театральным подмосткам. Галерея созданных им образов столь длинна, что и перечислить трудно. «Маскарад», «Милый лжец», «Цезарь и Клеопатра», «Русский вопрос», «Госпожа министерша», «Несколько тревожных дней», «На полпути к вершине», «Дальше—тишина», «Последний посетитель»... А сколько его прекрасных работ для кино, радио, телевидения! Взять хотя бы фильм «Семнадцать мгновений весны», в котором он сыграл роль пастора.

Он помнит, как «вынашивалась» каждая роль — а ведь их было так много! С рождением роли вроде бы рождается новый человек. А это—событие немалое. Если роль выявляется твоими психическими и физическими данными — не надо мудрить. А если этого недостаточно — ищи «свой балет» в роли: как ступить, какой сделать жест, как двинуть бровью.

— К сожалению, образный поиск в работе над ролью в наше время все больше уходит со сцены,— говорит Ростислав Янович.— Все твердят о важности внутреннего содержания, а работа над формой выражения как-то не в почете. Но ведь одно неотделимо от другого!

Личность Плятта не исчезает ни в одной роли. Кого бы артист ни играл, перед нами всегда Плятт. Но, с другой стороны, он актер, который придирчиво ищет и характер, и внешний облик своего героя. Плятт на сцене — это яркая индивидуальность плюс яркое перевоплощение.

Я много видел спектаклей, в которых был занят Р. Плятт, и мне кажется, что по силе воздействия на зал спектакль «Дальше—тишина» был в числе первых. На сцене шел рассказ о двух американских стариках, покинутых жестокосердными детьми, оставившими родителей наедине с жестокосердным миром. Занятые в главных ролях Ф. Г. Раневская и Р. Я. Плятт на протяжении трех часов заставляли тысячу триста сидящих в зале глубоко страдать, сочувствуя горькой доле престарелой четы Куперов.

На спектакль «Дальше—тишина» достать билет всегда было трудно — по причине его популярности. И, естественно, его успех строился прежде всего на двух корифеях сцены— Раневской и Плятте. Ушла от нас Фаина Георгиевна Раневская, и с ней ушел со сцены спектакль. Плятт по этому поводу сказал: «Говорят, незаменимых нет. Это неправда! В этом спектакле заменить Раневскую не может никто».

Подлинно глубокий талант художника может возрасти и укрепиться только на почве богатства личности. В чем состоит такое богатство? Трудно перечислять по пунктам—стандартов здесь не существует, однако есть нечто основополагающее. Это непременно интерес и доброта к людям, чувство справедливости, честность и прямота, и, конечно, вдохновение — не только в творчестве, но и в отношениях с людьми, в привязанностях, в дружбе — это особенно ценил в нем многолетний его друг Константин Симонов. Симонов говорил, что Плятт уже одной своей улыбкой приводит его в хорошее настроение.

Любимое выражение Плятта: «Я солдат!» Назначают, к примеру, на какую-то роль, а она вроде бы не очень-то ему и подходит. Но Плятт говорит: «Я солдат!» Роль принимает, роль делает, и она оказывается очередной удачей мастера. Ему не свойственны гонор, кичливость, каприз. Он исходит лишь из собственных физических возможностей. «Ростислав Янович, сможете ли сыграть три раза подряд?» Задумается, вздохнет: «Нет, пожалуй, трех мне не сдюжить. А вот два смогу».

Ростислава Яновича Плятта называют «совестью театра». Я спрашивал многих в Театре им. Моссовета, что в их коллективе понимают под этим лестным определением. Назвали прежде всего принципиальность и честность. Где бы он ни был—на заседании художественного совета, производственных сборах, на репетициях, Плятт говорит то, что думает. Он глубоко интеллигентен, поэтому его суждения ни для кого не обидны, ибо высказываются в самой деликатной форме. Воспитанность делает Плятта неизменно объективным. Эта свойственная артисту интеллигентность проявляется не только в общении с людьми, но в равной степени в творчестве. Как художник, на сцене он любит крайности, гротеск, преувеличения. Но никогда не позволит себе перейти ту грань, за которой может проступить банальность или пошлость.

Думается, подобной подлинной интеллигентности, к сожалению, очень не хватает нашему современному театру. Ростислав Янович несет ее из прошлого, уже далекого, но такого для нас поучительного, из традиций русского театра, из тех лет своей молодости, когда в школьных драмкружках, театральных студиях, на театральных подмостках молодые вдохновенные люди, ставшие впоследствии гордостью отечественной сцены, умели так мастерски сочетать давние традиции и новые веяния. Именно из тех вдохновенных двадцатых годов и вынес Плятт дух поиска, широты, демократизма, чувства ответственности не только за себя — за свой театр, за все советское искусство. И еще сберег с тех пор столь важное для всех времен острое чувство современности.

Я видел его новую работу в спектакле «Последний посетитель». Видел, как замирает зал, когда Посетитель, которого играет Ростислав Янович, бросает гневные и справедливые обвинения в лицо оторвавшегося от действительности высокопоставленного чиновника. И эти обвинения зал встречает дружными аплодисментами одобрения, ибо устами Посетителя—Плятта говорит само наше время, а талант артиста делает монолог особенно убедительным.

Мне рассказывали, как однажды Плятт ехал в машине по Армении. Был жаркий день, в какой-то попутной деревушке остановились, чтобы напиться воды, зашли в первый попавшийся дом. Пожилая хозяйка дома, увидев на пороге Плятта, всплеснула руками и крикнула своим домочадцам: «Смотрите, кто пришел к нам! Наконец-то!» Как будто в этом доме его давным-давно ждали. Вот что значит не по указам, а по истинному месту своему в обществе быть народным.

Сколько-то лет назад в одном важном кабинете решался вопрос о том, как отметить заслуги Ростислава Плятта в нашем искусстве. Хозяин кабинета засомневался: не депутат, не делегат, не кандидат, даже не член месткома! Вроде бы не подходит по ранжиру...

Он был просто Плятт.

Леонид ПОЧИВАЛОВ.